
ЛЕКСИКОЛОГИЯ

УДК 811.512.141'373.45

DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка

Ф. Г. Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа, Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена русизмам в южном диалекте башкирского языка. Прилагаются образцы бытовой лексики, распространенные в южных районах Башкортостана, башкироязычных районах Оренбургской, Самарской и Саратовской областей России. В большинстве статей по русским заимствованиям не только башкирского, но и других тюркских языков, русизмы по диалектам и говорам не представлены. Между тем, изучение русизмов по диалектам и говорам может пролить свет не только на диалектную лексикологию, но и историю формирования лексических, фонетических и грамматических особенностей того или иного тюркского языка. В этом плане не составляет исключения башкирский язык, в диалектах и говорах которого русизмы составляют довольно солидную группу.

Изучение русизмов по диалектам и говорам тюркских языков, в том числе и башкирского, актуально и для диалектологии русского языка, т.к. эти данные важны для определения хронологии отдельных заимствований.

Ключевые слова

башкирский язык, южный диалект башкирского языка, русские заимствования, бытовая лексика, лексема

Для цитирования

Хисамитдинова Ф. Г. Русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40). С. 98–105. DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Russian lexical borrowings in the southern dialect of the Bashkir language

F. G. Khisamitdinova

Institute of History, Language and Literature UFRC RAS, Ufa, Russian Federation

Abstract

The issues of Russian lexical borrowings (rusisms) in the Bashkir language dialects and subdialects have not been addressed yet. Dictionaries and monographs on the Bashkir language dialects and subdialects describe specific dialectal loanwords without providing a dialectal analysis of loanwords and the specific features of their adaptation and functioning in the Bashkir language dialects and subdialects. Meanwhile, studying rusisms in dialects and subdialects can elucidate both the dialectal lexicology and the formation history of the lexical, phonetic, and grammatical features of a particular Turkic language. Investigating rusisms in dialects and subdialects of Turkic languages, including Bashkir, is also relevant for the Russian language dialectology: the chronology of individual borrowings. It is worth studying the Bashkir language southern dialect widespread in the southern regions of modern Bashkortostan, Bashkir-speaking regions of Orenburg, Samara, and Saratov regions of Russia. Historically located in the very

© Ф. Г. Хисамитдинова, 2020

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2020. № 2 (вып. 40)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2020. No. 2 (iss. 40)

center of the Orenburg province, this territory bordered the provincial city of Orenburg and by the late 18th and early 19th centuries became one of the administrative, political, economic, and trade centers. It was then that Russian loanwords and lexemes of European languages began to actively penetrate the Bashkir dialects. These borrowings constitute a considerable group, thematically related to household, administrative and managerial, military-marching, and agricultural spheres. All rusisms underwent adaptation to the norms of the Bashkir language Southern dialect, e.g., Russian lexemes with hard-row vowels in the southern dialect have front-row vowels. South Russian dialects are considered the dominant source of the Bashkir language southern dialect lexical borrowings.

Keywords

Bashkir language, Southern dialect of the Bashkir language, Russian borrowings, household vocabulary, lexeme

For citation

Khisamitdinova F. G. Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v yuzhnom dialekte bashkirskogo yazyka [Russian lexical borrowings in the southern dialect of the Bashkir language]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2020, no. 2 (iss. 40), pp. 98–105. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2020-2-98-105

Для башкирского языкознания проблема башкирско-русских контактов не нова. Языковеды разных поколений обращались к тем или иным аспектам данной проблемы. Не осталось в стороне изучение русских заимствований в башкирском языке [Дмитриев, 1962; Терегулова, 1957; Киекбаев, 1966; Халикова, 1990; Закирьянов, 2002 и др.]. В работах указанных авторов рассматривались вопросы хронологии, тематические группы, проблемы адаптации русских заимствований и др. К сожалению, ни в работах старшего поколения, ни молодыми учеными не рассматривались вопросы исследования русизмов в диалектах и говорах башкирского языка. Безусловно, в диалектных словарях, монографиях по диалектам и говорам башкирского языка нашли отражение отдельные диалектные заимствования. В частности, в монографиях Н. Х. Максютовой, С. Ф. Миржановой, М. И. Дильмухаметова даны отдельные заимствования из русского языка [Максютова, 1976; Миржанова, 1979, 1991; Дильмухаметов, 2006 и др.]. Однако в указанных и других работах башкирских лингвистов отсутствует анализ русизмов по говорам, не указывается специфика заимствований, особенности их адаптации, функционирования в диалектах и говорах башкирского языка. В целом в большинстве статей по русским заимствованиям не только башкирского, но и других тюркских языков, русизмы по диалектам и говорам не представлены. Между тем изучение русизмов по диалектам и говорам может пролить свет не только на диалектную лексикологию, но и историю формирования лексических, фонетических и грамматических особенностей того или иного тюркского языка. В этом плане не составляет исключения башкирский язык, в диалектах и говорах которого русизмы составляют довольно солидную группу.

Изучение русизмов по диалектам и говорам тюркских языков, в том числе и башкирского, актуально и для диалектологии русского языка, т.к. эти данные важны для определения хронологии отдельных заимствований.

В связи с изложенным актуальность изучения русских заимствований в диалектах и говорах башкирского языка не вызывает сомнения. В этом плане, на наш взгляд, интересен южный диалект башкирского языка, распространенный в южных районах современного Башкортостана, башкирорязичных районах Оренбургской, Самарской и Саратовской областей России. Данная территория, исторически расположенная в самом центре Оренбургской губернии, примыкала к губернскому городу Оренбургу, который к концу XVIII – началу XIX в. стал одним из административных, политических, экономических, торговых центров не только в губернии, но и России в целом.

Башкирское население региона жило в Оренбургском, Стерлитамакском, Верхнеуральском уездах Оренбургской, позднее и Уфимской губерний. Часть носителей южного диалекта позднее входила в состав Самарской губернии. Кроме башкир, в регионе проживали в основном яицкие и оренбургские казаки, калмыки, казахи, русские государственные и помещичьи русские крестьяне. До середины XVIII в. население региона было немногочисленным и составляли его в основном башкиры. Однако с конца XVIII в. начинается массовое переселение в край русского, украинского и новокрещенного поволжского финноугорского населения. В этих условиях контакты местного и пришлого населения становятся более интенсивными. Начинается крестьянская колонизация башкирских земель, появля-

ются поселения, заводы, фабрики, растет торговля. Безусловно, в сложившейся ситуации возрастает роль административного управления Оренбургским краем [Злобин, Поляков, 2006]. Что же касается башкир, то для них усиление административного управления, безусловно, было связано и с введением кантонной системы (1798-1865). Изложенные факты не могли не отразиться в этнокультурных и этноязыковых контактах башкир с пришлым русским и другим населением края. Именно в эти годы в башкирские говоры начинают активно проникать русские заимствования и лексемы европейских языков через русский.

С конца XVIII – начала XIX в. русские заимствования входят в язык башкир не только через русских крестьян-соседей, но и в результате служб башкирского населения в Башкиро-мещеряцком войске, участия башкир в войнах России, торгово-меновых операций на торгах в базарах и ярмарках, расширения государственно-чиновничьего аппарата, открытия русско-башкирских школ, которые в XIX в. были довольно популярными в Уфимской и Оренбургской губерниях. Изложенные факты обусловили заимствование в говоры южных башкир не только бытовой, но и военной, торговой, административно-управленческой и др. лексики из русского и европейских языков. Об этом свидетельствуют письменные памятники того времени. В качестве примера можно привести, во-первых, шежере южных башкир и различные акты документы XVIII–XIX вв. башкир в архивах Москвы, Уфы, Оренбурга и др. городов. Судя по исследованиям Р. Х. Халиковой, в указанных документах, кроме бытовой лексики, обнаруживаются названия, связанные с административным делением России того времени. Ср.: *губирнэ* ‘губерния’, *кантун* ‘кантон’, *булыс* ‘волость’, *укрык* ‘округ’, *уйыз* ‘уезд’ и др. Из названий лиц административно-управленческого аппарата в документах нашли отражение такие лексемы, как *кэнсэлэр* ‘канцелярия’, *испрауник* ‘исправник’, *намисник* ‘наместник’ и др. Кроме них, в документах зафиксированы термины *староста* (*Азнайга старосталык бирде*) ‘Азнаю дали должность старосты’ [Кузеев, 1960, с. 29]; *кеназ* (*Мин кеназ Янбакты яздым*) ‘Я, князь Янбакты, написал’ [Кузеев, 1960, с. 51]; *старшина* (*Иван Грозныйдан старшиналык алмыш*) ‘от Ивана Грозного получил должность старшины’ [Кузеев, 1960, с. 94] и др.

Из наименований различных деловых бумаг XVIII–XIX вв. в документах встречаются *рапурт* ‘рапорт’, *грамыт* ‘грамота’, *дагавур* ‘договор’, *кенэгэ* ‘книга’ и др.

В документах имеются заимствования, связанные с сельскохозяйственным производством (*нариз* ‘нарез’, *атвут* ‘отвод’, *барана* ‘борода’, *зимләмир* ‘землемер’, *абрук* ‘оброк’); военная терминология (*балкауник* ‘полковник’, *эфисэр* ‘офицер’, *бахут* ‘поход’, *майур* ‘майор’, *камандир* ‘командир’) и др. [Халикова, 1990, с. 64–66]. Безусловно, многие вышеприведенные лексемы не ограничиваются только говорами южного диалекта, но вошли в разговорный язык башкир и других регионов. В качестве примера можно привести такие широко распространенные слова, как *кэнсэ*, *кантун*, *зимләмир*, *майур* и др. Отдельные лексемы как устаревшие сегодня вошли в состав историзмов башкирского языка. Ср.: *правинсэ* ‘провинция’, как название административно-территориального деления; *өйэз* / *уйыз* ‘уезд’, *губирнэ кэнсэлэре* ‘губернская канцелярия’, *булыс* ‘волость’ и др. Часть заимствований XVIII в. употребляется в соответствии с нормами современного башкирского языка. Ср.: *бушта* и *почта*, *грамут* – *грамота*, *дагавур* – *договор*, *эфисэр* – *офицер*, *буп* – *поп* и др.

Из письменных источников XIX в. по русским и европейским заимствованиям башкирского языка следуют отметить работы ученого, чиновника, носителя южного диалекта М. И. Уметбаева (1841–1907). В его трудах, особенно публицистике, нашло отражение огромное число русизмов и заимствований из европейских языков. В частности, только в его статье «Йәмғиэт тәртиптәре» (1898 г.) зафиксированы русизмы: *аренда*, *староста*, *старшина*, *власть*, *Положение*, *кантон начальнигы*, *десятина*, *приговор*, *ужым*, *красстиандэр*, *судья*, *дачалар* (земельные), *ревизия*, *закон*, *расписка*, *сумма*, *община*, *партия*, *Европа*, *кадет корпусы*, *эскадрон*, *ситса*, *көришәк*, *ялыу*, *розга*, *опека*, *рус*, *Европа культураһы*, *миссионерлык*, *рус грамотаһы*, *рецепт*, *межсалау* и др. [Өмөтбаев, 1983, 89–94 бб.]. Приведенные примеры из статьи М. И. Уметбаева 1898 г. свидетельствуют о широком проникновении в письменный язык башкир как русской, так и европейской лексики.

Безусловно, письменный язык, язык грамотной части народа отличался от языка остального башкирского населения. В разговорном языке, говорах и диалектах башкирского языка того времени русизмов, конечно, было гораздо меньше. К тому же заимствования обычно адаптировались и принимали фонетический облик, близкий к тому или иному диалекту и говору фонетический облик.

Об этом свидетельствуют диалектные словари башкирского языка. В частности, во втором томе словаря башкирских диалектов, относящемся к южному диалекту, содержащем 8990 слов, зафиксировано 359 русских заимствований и лексем из европейских языков, которые подчинены фонетическим особенностям южного диалекта и его говоров [Башкорт, 1970].

Русские заимствования словаря в тематическом плане в основном относятся к бытовой, административно-управленческой, военно-походной и сельскохозяйственной сферам. В настоящей статье мы рассмотрим только бытовую лексику южного диалекта.

Лексемы, связанные с бытовой сферой, включают в себя названия одежды, тканей и украшений, посуды и другой утвари, пищи и пищевых продуктов, дома и домашних построек, а также метрологию и др. Судя по словарю, лексемы, связанные с одеждой, тканями, украшениями, представлены самыми разными вариантами. В частности, для обозначения оборки женского платья в башкирских диалектах и говорах употребляется множество лексем. Ср.: *балитэк, кыршау, катмар, йәрпесәк, йәлтесәк, йәмерей, йәперей, йапырык*. Кроме исконных названий, для обозначения оборки в башкирских говорах участвуют и заимствования. Ср.: *абырка / абурка / аберкә / әберкә* (дем.); *әберкә / әверкә / әуркә* (сред.); *үберкә* (ик-сакм.), лит. *балитэк* ‘оборка’ [Башкорт, 1970, 326 б.]. Следует отметить, что лексема *оборка* в различных фонетических вариантах зафиксирована и в говорах восточного диалекта. Ср.: *убырка / убурка / обурка* (арг., сал.) [Башкорт, 1967].

Приведенные выше варианты наименования части платья восходят к русской лексеме *оборка*, которая в свою очередь происходит от общеславянского *обора* ‘обшивка со складками’, завязка, веревка ← * *obvara* ← * *obvoriti* ‘завязывать, закреплять, закрывать’, кстати того же корня, что и слова веревка, свора, отворить и т.д. Кроме этого, в русских говорах лексема *оборка* обнаруживается также в значении ‘кайма’; ср. также: *оборень* ‘дырочка в лаптях для продевания веревки’, *оборы* ‘тонкая бечевка’ и др. [Ситникова, 2004].

Интересно отметить, что в говорах южного диалекта башкирского языка в основном зафиксированы заимствования с анлаутными *а* и *э*. Ср.: *абырка, әберкә, абурка, әуркә*. Что же касается заимствований восточного диалекта, то в нем заимствований с анлаутными *а* и *э* не представлено, зато в нем широко употребляются наименования с начальными *у* и *о*. Ср.: *убырка / убурка / обурка* (арг., сал.). Изложенные факты свидетельствуют о том, что с носителями южного и восточного диалектов башкирского языка в указанное время контактировали носители разных диалектных групп русского языка. Если с носителями восточного диалекта башкирского языка общались носители *окающих* русских говоров, то на южный диалект оказали влияние *акающие* московский и южнорусские говоры. Именно поэтому в говорах южного диалекта башкирского языка представлены в основном лексемы с анлаутными *а* и *э*.

Следует отметить еще один интересный факт, связанный с заимствованием лексемы *оборка*. Судя по примерам, в говорах южного диалекта башкирского языка в основном представлены анлаутные переднерядные или мягкорядные варианты заимствованного слова *оборка*. Ср.: *әберкә / әверкә / әуркә* (дем.); *үберкә / үберке* (ик-сакм.). В демском говоре, кроме мягкорядного варианта, как показывают материалы словаря, представлены примеры и с заднерядным или твердорядным *а* в анлауте. Ср.: *абырка, абурка*. Что же касается восточного диалекта, то в нем присутствует только заднерядный анлаутный вариант. Ср.: *убурка, улырка, обурка*. Изложенные факты свидетельствуют о том, что говоры южного и восточного диалектов адаптировали заимствования в соответствии с нормами своей фонетики. Следует отметить, что в ряде кыпчакских и карлукских языков и диалектов отмечено опереднение твердорядных гласных. Ср.: башкирские *асы – әсе* ‘кислый’, *әс* ‘волос’ – *сас* ‘бахрома’, *Әкрам – Акрам* (антропоним) и др. Южный диалект башкирского языка, носители которого в основном имеют кыпчакские корни или связаны с племенами кыпчакской конфедерации, по-видимому, и приобрел эту особенность, относящуюся к опереднению заднерядных гласных. В результате в ряде говоров южного диалекта даже заимствования из других языков, в том числе и из русского, развили переднерядность. Изложенные факты и обусловили появление в говорах южного диалекта вариантов заимствования *оборка* в мягкорядном варианте. И как было показано, только в демском говоре южного диалекта, носители которого в XVI–XVII вв. приняли в свой состав отдельные родоплеменные группы восточных и юго-восточных башкир, носителей восточного

диалекта, зафиксированы как мягкорядные, так и твердорядные варианты русского заимствования оборка. Ср.: *абырка* / *абурка* и *эберкэ*.

Интересный пример заимствования, связанного с товарно-меновыми связями южных башкир, – название украшения башкирских женщин *мәкәрийә* (сурям), который представляет собой мелкий круглый коралл красного цвета [Башкорт, 1970, 179 б.]. По-видимому, появление данной лексемы связано с крупной Макарьевской ярмаркой XVII–XVIII вв., проводимой у Макарьевского монастыря в Нижнем Новгороде, куда южные башкиры ездили торговать. Вероятно, столь популярные до сих пор красные круглые кораллы башкиры покупали именно там. Поэтому в названии коралла *мәкәрийә* нашло отражение наименование Макарьевской ярмарки XVIII в.

Заимствования названий посуды и другой домашней утвари в говорах южного диалекта представлены лексемами *гәршүк* (дем.), *көршөк* (ик-сакм.), в лит. *көршәк* ‘горшок’ от русского горшок; *сасалка* (сред.) от чесать, ‘льночесалка’; *кеүәшинә* (сред.), *кеүәшенә* (сурень), лит. *тәпән*; *икмәк күнәге*, от рус. ‘квашня’; *йәмкә* (сред.) ‘совок для угля’, *жәмкә* (сев.-зап.) ‘угольные щипцы’ (клещи), лит. *һоско* от русского *емки* (ухват, рогац, клещи, сковородник, угольные щипцы) или лексемы украинских говоров *емок*, *емки* ‘ухват, рогац, горстка, обхват’ и др. [Ситникова, 2004, Моисеев, 2010].

К заимствованиям, связанным с пищей и пищевыми продуктами, относятся диалектные *бүрәңке* (инз.), *бүрәңе* / *бүренке* (сред.), *бүренге* (дем.), *бәрәңге* (сакм.) ‘картофель’, лит. *картуф*. Лексема *бәрәңге* зафиксирована в айском и аргаяшском говорах восточного диалекта в том же значении. Данное заимствование восходит к русской диалектной лексеме *паренка* (пареный, парить) в значениях ‘варить’, ‘жарить’.

Литературная форма *картофель* и ее варианты *кәртүк* (ик-сакм.), *кәртүф* (куюр.), *картун* (гайн.), *кәртүк* (миас.), *картүф* (кыз.) также восходят к русскому заимствованию из немецкого и итальянского языков [Шанский, 1971] *картофель* и его разговорным – *картошка*, *картоха* и др.

Нужно отметить и то, что часть заимствований типа *картофель* вошла в говоры башкирского языка вместе с реалиями. Но некоторые русские заимствования являются одним из вариантов того или иного уже имеющегося у башкир продукта. В качестве примера можно привести лексему *липүшкә* ‘лепешка’, которая в башкирском языке и его диалектах представлена множеством синонимов. Ср.: *йыуаса*, *йәймә*, *маикмәк*, *сәлпәк*, *кәликмәк*, *кәлсә* / *кәлчә*, *кәләчә* и др. Следует отметить, что заимствование *липүшкә* / *ләпүшкә* зафиксировано в инзерском подговоре среднего говора, а также в кубалаякском и миасском говорах восточного диалекта, в которых оно функционирует параллельно с исконной лексемой *йыуаса* ‘лепешка’. Исходя из вышеизложенного, можно говорить о том, что в зоне интенсивных контактов, несмотря на наличие собственных, исконных слов, для этих же реалий появлялись и заимствованные лексемы.

Наименования, связанные с домом и придомовыми постройками, восходящие к русскому языку, в словаре представлены лексемами *келәт* ‘клеть’, *синнек* ‘сени’, ‘мышаник’, ‘омшаник’ и др. В южном диалекте лексема *келәт* в значениях ‘амбар, сени, летний домик, летняя кухня’ зафиксирована в среднем, сакмарском и демском говорах. В лит. языке данная лексема отмечена в значениях ‘амбар, клеть, кладовая’. Из говоров восточного диалекта слово *келәт* зафиксировано в кызылском говоре в значении ‘кладовая, клеть, клетушка в чулане’. Во всех говорах и литературном языке оно восходит к русскому слову *клеть* ‘кладовая при избе или в отдельной постройке для хранения имущества’.

Слово *синнек*, его варианты *синәк*, *синек* зафиксированы во всех говорах южного диалекта в значении ‘сени’. Ср.: *синнек* (сред.) ‘казанка, летняя кухня’, *синнек* / *синәк* (дем., сурян., куюр.) ‘сарай, летний домик, хозяйственная комната, отсек в чулане’; *синек* / *синәк* (сред., ик.) ‘плетеный сарай’, *синәк* (юрм.) ‘ограда для скота, сарай для мелкого скота’, *синек* (сакм.) ‘конюшня, летняя кухня’; *синәк* (инз.) ‘голбец’, в лит. *синнек* ‘летняя кухня во дворе’. В форме *синдек* данное слово имеется в восточном диалекте башкирского языка. Ср.: *синдек* (миас.) ‘место для сена (дровник)’, в айском – ‘полка в кладовке’, кубалаякском – ‘отсек в чулане’, в других говорах восточного диалекта – ‘клеть в чулане’ [Башкорт, 1967; 1970]. Все заимствования восходят к русскому *сени*, *сенцы* ‘помещение между жилой частью дома и крыльцом, используемое в хозяйственных нуждах’, которые в свою очередь связаны с общеславянским *сень* ‘тень, защита, передняя’ [Фасмер, 2004].

Интересным заимствованием из русского языка является в южном диалекте лексема *мышаник* (зил.) ‘утепленное помещение для зимовки пчел’. В литературном башкирском языке и других говорах отмечены слова *умарта базы* и *корт базы* в том же значении. Следует отметить, что в целом бортевая и пчеловодческая терминология в башкирском языке исконная, поэтому в других говорах для обозначения утепленного помещения для зимовки пчел функционируют собственные названия. Что же касается происхождения диалектного термина *мышаник*, видимо, он происходит от русского *омшаник*, который имеет синонимы пчельник, пчелня, пасека и, скорее связан со словом *мох*, т.к. мхом утепляли помещение для пчел.

Заслуживающую внимания группу заимствований составляют в южном диалекте башкирского языка лексемы, относящиеся к народной метрологии. Ср.: *асмуха* ‘осьмушка / восьмушка’, *асминник* ‘осминник’, *сажин* ‘сажень, или мера длины, равная в 2,134 м’. Лексема *асмуха* отмечается в демском, среднем, *эсмуха* – в ик-сакмарском говорах южного диалекта. В литературном языке зафиксирована форма *эсмуха*, в восточном диалекте – *асмуха*, в отдельных говорах северо-западного диалекта – *асмуха*, *эцмуха*, *ацмуха*. Появление заимствованного названия меры веса, видимо, связано с русским *осьмушка / восьмушка*, восьмая часть чего-либо (чая, табака и др.).

Лексема *асминник* имеется в демском и среднем говорах южного диалекта башкирского языка. В Академическом словаре башкирского языка данное слово зафиксировано в форме *эсминник* с пометой устаревшее [Академический словарь..., 2018, с. 331].

Лексема *эсминник* с вариантом *эсминдек* представлена в говорах восточного диалекта. Происхождение башкирских *эсминник*, *эсминдек*, *асминник* восходит, по-видимому, к названию меры земельной площади, равной четверти десятины – *осминник*.

Название меры длины *сажин* ‘длина в 2 шага’ обнаруживается в зилимском подговоре среднего говора. В словаре современного литературного языка отмечен данный термин в форме *сажин* с пометой устаревшее [Академический словарь..., 2015, с. 345]. Термин *сажин* происходит от названия старинной русской меры длины, равной 2,134 м. Лексема *сажень* восходит к общеславянскому *сягати* в значениях ‘достигать’, ‘доставать’. Она связана также с лексемой *недосягаемый*.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

- русские лексические заимствования в южном диалекте башкирского языка составляют довольно солидную группу;
- в тематическом плане они относятся к бытовой, административно-управленческой, военно-походной и сельскохозяйственной сферам;
- все русские лексические заимствования прошли адаптацию в соответствии с нормами южного диалекта башкирского языка. В частности, русские лексемы с твердорядными гласными в южном диалекте представлены с переднерядными гласными. Ср.: *эберкэ* от оборка, *кэртүк* от картофель;
- источником лексических заимствований южного диалекта башкирского языка являются акающие южнорусские говоры (*оборка* → *абырка / эберкэ / эүеркэ*).

Список литературы

- Академический словарь* башкирского языка: В 10 т. Уфа: Китап, 2015. Т. 7. 872 с.
Академический словарь башкирского языка: В 10 т. Уфа: Китап, 2018. Т. 10. 980 с.
Башкорт һөйләштәре һүзлеге. Өфө, 1967. I т. 300 б.
Башкорт һөйләштәре һүзлеге. Көнъяк диалект. Өфө, 1970. II т. 327 б.
Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа: Гилем, 2006. 191 с.
Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 607 с.
Закирьянов К. З. Сопоставительная типология русского и башкирского языков. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 212 с.
Злобин Н. П., Поляков А. Н. История Оренбургского региона. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2006. 256 с.
Киекбаев Ж. Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.
Кузеев Р. Г. Башкирские шежере. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. 304 с.
Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом

освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.

Миржанова С. Ф. Южный диалект башкирского языка. М: Наука, 1979. 272 с.

Миржанова С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 295 с.

Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 191 с.

Өмөтбаев М. Йәдкәр. Шиғырзар, публицистик язмалар, тәржемәләр һ.б. Өфө, 1984. 288 б.

Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. Ростов-на-Дону, 2004. 240 с.

Терегулова Р. Н. Русские заимствования в башкирском языке. Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 88 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. М.: Адепт: ИДДК ГРУПП, 2004.

1 электрон. опт. диск.

Халикова Р. Х. Язык башкирских шежере и актов документов XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1990. 198 с.

Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

Список сокращений

арг. – аргаяшский говор восточного диалекта башкирского языка

гайн. – гайнинский говор северо-западного диалекта башкирского языка

дем. – демский говор южного диалекта башкирского языка

зил. – зилимский подговор среднего говора южного диалекта башкирского языка

ик. – икский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

ик-сакм. – ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка

инз. – инзерский подговор среднего говора южного диалекта башкирского языка

куюр. – куяргазинский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

кыз. – кызыльский говор восточного диалекта башкирского языка

лит. – литературный

миас. – миасский говор восточного диалекта башкирского языка

рус. – русский

сакм. – сакмарский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

сал. – сальютский говор восточного диалекта башкирского языка

сев.-зап. – северо-западный диалект башкирского языка

сред. – средний говор южного диалекта башкирского языка

сурян. – сурянский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

юрм. – юрматынский подговор ик-сакмарского говора южного диалекта башкирского языка

References

Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka: V 10 t. [Academic dictionary of the Bashkir language: In 10 vols]. Ufa, Kitap, 2015, vol. 7. 872 p. (In Russ., in Bash.).

Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka: V 10 t. [Academic Dictionary of the Bashkir Language: In 10 vols]. Ufa, Kitap, 2018, vol. 10. 980 p. (In Russ., in Bash.).

Bashkort hөylәshtere hыzlege [Dictionary of the Bashkir dialects]. Ufa, 1967, vol. I, 300 p. (In Bash.).

Bashkort hөylәshtere hыzlege. Kөn'yak dialekt [Dictionary of the Bashkir dialects. Southern dialect]. Ufa, 1970, vol. II, 327 p. (In Bash.).

Dilmukhametov M. I. *Govor sredneural'skikh bashkir* [The dialect of middle Ural Bashkirs]. Ufa, Gilem, 2006. 191 p. (In Rus.).

Dmitriev N. K. *Stroy tyurkskikh yazykov* [System of Turkic languages]. Moscow, Izd-vo vost. lit., 1962. 607 p. (In Rus.).

Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vols]. Moscow, Adept, IDDK GRUPP, 2004. (In Russ.).

Khalikova R. H. *Yazyk bashkirskikh shezhere i aktovykh dokumentov 18-19 vv.* [Language of Bashkir shezhere and Assembly documents of the 18th-19th centuries]. Moscow, Nauka, 1990. 198 p. (In Russ.).

- Kiyekbayev Zh. G. *Khəzgerge bashkort teleneң leksikahy hām frazeologiyahy* [The Lexicology and Phrasology of the modern Bashkir language]. Ufa, 1966. (In Bash.).
- Kuzeev R. G. *Bashkirskie shezhere* [Bashkir shezheres]. Ufa, Bashknigoizdat, 1960. 304 p. (In Rus.).
- Maksyutova N. H. *Vostochnyy dialekt bashkirskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The Eastern dialect of the Bashkir language in comparative historical coverage]. Moscow, Nauka, 1976. (In Russ.).
- Mirzhanova S. F. *Yuzhnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [Southern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka, 1979. 272 p. (In Russ.).
- Mirzhanova S. F. *Severo-zapadnyy dialekt bashkirskogo yazyka* [North-Western dialect of the Bashkir language]. Ufa, Bashk. kn. izd-vo, 1991. 295 p. (In Russ.).
- Moiseev B. A. *Orenburgskiy oblastnoy slovar'* [Orenburg regional dictionary]. Orenburg: Izd-vo OGPU, 2010, 192 p. (In Russ.).
- Shansky N. M. *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Short etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Prosveshchenie, 1971, 542 p. (In Russ.).
- Sitnikova A. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Rostov-on-Don, 2004, 240 p. (In Russ.).
- Teregulova R. N. *Russkie zaimstvovaniya v bashkirskom yazyke* [Russian borrowings in the Bashkir language]. Ufa, Bashknigoizdat, 1957. 88 p. (In Russ.).
- Umetbaev M. *Yədkər. Shiəyrzar, publitsistik yazmalar, tərzhemələr* [Yedker. Poems, publicistic notes, translations]. Ufa, 1984, 288 p. (In Bash.).
- Zakiryanov K. Z. *Sopostavitel'naya tipologiya russkogo i bashkirskogo yazykov* [Comparative typology of Russian and Bashkir languages]. Ufa, RIO BashGU, 2002. 212 p. (In Russ.).
- Zlobin N. P., Polyakov A. N. *Istoriya Orenburgskogo regiona* [History of the Orenburg region]. Orenburg, GOU OGU, 2006. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
07.08.2020

Сведения об авторах

Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна – доктор филологических наук, научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Россия)
E-mail: hisamitdinova@list.ru
ORCID: 0000-0001-5997-9928
ID scopus: 57192955858

Information about the Author

Khisamitdinova G. Firdaus – Doctor of Philology, Scientific Director of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)
E-mail: hisamitdinova@list.ru
ORCID: 0000-0001-5997-9928
ID scopus: 57192955858